

Дом семьи Чжао располагался сразу за жилищем Сяо Дуна. Он стоял чуть ближе к железнодорожным путям, чем другие постройки, которые Шэнь Юй осматривал до этого, и потому казался более уединённым.

Впрочем, заброшенным это место назвать было нельзя — дом всё ещё относился к жилому сектору. Дорога от Сяо Дуна заняла от силы пять-шесть минут.

Едва завидев здание издалека, юноша понял, почему тётушка Ху так хвалила его. Если перед другими дворами земля была разъезженной и ухабистой, превращаясь после каждого дождя в непролазную кашу, то здесь от ворот до самой дороги тянулась ровная, вымощенная щебнем тропинка.

Сам дом тоже разительно отличался от соседних ветхих лачуг. Его внешние стены выглядели свежими — сразу было видно, что здание построили совсем недавно.

Тётушка Ху подошла к воротам и постучала. Открыла им женщина лет тридцати. Увидев гостью, она просияла и, распахнув калитку, крикнула вглубь дома:

— Мама, тётушка Ху пришла!

Так Шэнь Юй наконец узнал фамилию бабушки Сяо Дуна.

Женщина с явным нетерпением пригласила их войти. Навстречу им вышла пожилая хозяйка и, схватив гостью за руки, запричитала:

— Старшая сестра, спасибо, что заглянула. Столько хлопот тебе доставляем.

Юноша мельком взглянул на старуху Чжао. Раньше он думал, что она старше тётушки Ху, но, судя по её словам, она сама была чуть моложе.

— Значит, это тот самый молодой человек хочет посмотреть дом? — вежливо обратилась к нему дочь хозяйки.

Шэнь Юй застенчиво улыбнулся:

— Для начала просто взгляну.

Тётушка Ху тут же вставила:

— Да, малец хочет присмотреться. Мы пока только смотрим, покупать или нет — решим позже. Ты уж не обижайся, сестрица: я хочу тебе помочь, но и парня подводить не могу, он мне доверяет.

Лица старухи Чжао и её дочери мгновенно омрачились. Тётушка Ху сказала это прямо и жестко, чтобы парень не чувствовал себя обязанным из вежливости. Семью Чжао было искренне жаль, но если бы он из жалости купил «проклятый» дом, который потом никто не захочет перекупать, жалеть пришлось бы уже его самого.

Дочь хозяйки через силу улыбнулась, стараясь сохранять бодрость:

— Конечно, нужно всё осмотреть... Наш дом правда очень хороший, с ним всё в порядке...

Она повела гостя по двору. Планировка представляла собой классический саньхэюань — П-образный комплекс из трёх флигелей.

Честно говоря, условия здесь были на порядок лучше, чем во всех осмотренных ранее местах. Весь двор был вымощен аккуратными каменными плитами. Поскольку жила здесь только одна семья, пространства было достаточно. В углу росло дерево — хозяйка пояснила, что это апельсин, он уже начал плодоносить, и фрукты на вкус были замечательными.

Но больше всего Шэнь Юя поразило не это. В отличие от других дворов, где стояли обычные колодцы, здесь был установлен ручной насос. Покойный старик Чжао, работавший на машиностроительном заводе, через старые связи достал нужные детали, и семья сама обустроила себе современную колонку.

Сам дом был возведён на совесть. Чжао строили его для себя, а потому не скупились на материалы. Качественный кирпич, добротная черепица — всё это сын семейства лично отбирал на своём заводе, выбирая самые прочные и долговечные образцы. Основные балки перекрытий взяли из старого дома: это было превосходное выдержанное дерево, которое в нынешние времена найти было почти невозможно.

Полы внутри здания были залиты цементом. Старуха Чжао всё ходила следом и негромко вспоминала, как после завершения строительства все соседи приходили к ним и не могли скрыть зависти.

Юноша слушал молча. Он не знал, что на это ответить. Столь добротное жильё не могло не вызвать желания купить его, но, видя, сколько души и труда люди вложили в это место, и понимая, до какого отчаяния они дошли, решив его продать, он чувствовал, что любые слова будут лишними.

Тётушка Ху тоже втайне вздыхала. Сколько бы раз она ни приходила сюда, дом казался ей безупречным. Но до чего же всё-таки дурная слава у этого места! Стоило только достроить его, как на хозяев одна за другой посыпались беды.

Они обошли все комнаты — все они были в отличном состоянии, без единой трещины. Единственное, что бросалось в глаза — пустота. Мебель осталась только в главной спальне восточного флигеля, остальные помещения зияли голыми стенами. По следам на полу можно было догадаться, что когда-то вещей здесь было гораздо больше. Шэнь Юй предположил, что имущество распродали раньше: когда не хватает денег, сначала в ход идёт движимое имущество, а в самую последнюю очередь — стены.

Когда они вошли в главный зал, из внутренней комнаты выглянул мальчик лет десяти. У него были огромные глаза и худое, заострённое лицо. Ребёнок смотрел на гостя ясным, но тихим взглядом.

Тётушка Ху шепнула юноше:

— Это внук семьи Чжао, зовут Чжао Си. Имя означает «солнечный свет», старик Чжао сам выбирал. Он был человеком грамотным, и имена давал со смыслом.

— Да какой там смысл... Не к добру это, не к добру... Сменили мы его... — забормотала старуха Чжао и поманила внука: — Чанмин, иди сюда, поздоровайся с братом.

Зрачки Шэнь Юя сузились. Чанмин? Чжао Чанмин?!

Этот ребёнок тоже был персонажем из оригинального романа! Юноша запомнил его именно из-за необычного имени. Чанмин — «Долгая жизнь». Вот только судьба сыграла с ним злую шутку: мальчик оказался «короткожителем» и не дожил даже до восемнадцати лет.

В книге его предыстория не описывалась подробно, упоминались лишь те моменты, что были связаны с главными героями. Чжао Чанмин появился в сюжете, когда ему было лет тринадцать-четырнадцать. Он был тем самым несчастным сиротой, которому Юнь Байя, учась в университете, благосклонно помогала, покупая еду и одежду.

Будучи главной героиней, она совершила немало подобных «добрых дел». Автор часто использовал такие эпизоды, чтобы подчеркнуть её добродетель, за которую ей воздавалось сторицей. Позже, когда второй мужской персонаж пытался уничтожить Сяо Цзяхуэя, а соперница строила козни против Юнь Байи, один из тех, кому она когда-то «помогла», оказывался влиятельным покровителем и решал все проблемы одним словом.

Чжао Чанмин тоже был одним из таких инструментов сюжета. Он оказался гением дизайнера. Когда героиня и её муж начинали свой бизнес, они торговали одеждой, перепродавая товары с юга. Позже, открыв собственную фабрику, Юнь Байя случайно обнаружила талант Чанмина и забрала его к себе, объявив, что будет относиться к нему как к родному брату.

«Относиться как к брату» на деле означало предоставить кров и еду в обмен на использование всех его эскизов. Юнь Байя убеждала его: «Мы ведь одна семья, зачем нам считаться?»

Мальчик был невероятно одарён, но страдал от тяжёлой формы астмы и не мог жить без дорогостоящих лекарств. Он обеспечивал фабрику бесконечным потоком уникальных дизайнов, а женщина, пользуясь его доверием, убеждала его не ходить в школу — мол, он и так слишком умён, чтобы тратить время на скучные уроки. Так Чанмин несколько лет проработал «маленьким рабом» в их компании.

А потом он умер.

Смерть его в книге была описана туманно. Говорилось лишь, что в один день мальчик внезапно обезумел и напал с ножницами на одного из заказчиков, а вскоре после этого задохнулся от приступа астмы прямо в дизайнерской мастерской. Юнь Байя горько поплакала, и на этом о нём больше никто не вспоминал.

Ребёнок робко посмотрел на Шэнь Юя и едва слышно произнёс:

— Здравствуй, брат.

— Здравствуй, — мягко ответил Шэнь Юй, приветливо улыбаясь, хотя в душе его бушевала буря вопросов.

«У него есть бабушка и тётя. Почему же в будущем он станет бездомным бродяжкой?»

Хотя Чжао и спешили продать дом, у тёти мальчика всё ещё была работа на заводе. Видимо, им нужна была крупная сумма на что-то конкретное, а не просто деньги на жизнь.

Старуха Чжао притянула внука к себе и со слезами на глазах посмотрела на юношу:

— Не стану скрывать: мы продаём дом, чтобы отвезти нашего Чанмина на лечение. Слышали, что в столице есть великие врачи, которые могут справиться с этой болезнью. Я должна его спасти.

В груди Шэнь Юя всё сжалось. Даже в его прошлом мире, где медицина шагнула далеко вперёд, астма оставалась коварным недугом, который невозможно было излечить полностью. Поездка старухи Чжао была обречена.

Теперь всё встало на свои места. Юнь Байя встретила Чанмина в столице, потому что бабушка привезла его туда. Скорее всего, пожилая женщина не пережила тягот пути или жизни в чужом городе.

Но что он мог сказать? Ровным счётом ничего. Надежда в глазах старой женщины была её единственной опорой. Если он скажет: «Бросьте это, вашего внука не вылечить», это убьёт её быстрее любой болезни.

«Но неужели я просто пройду мимо?»

Шэнь Юй не помнил, был ли продан этот дом в оригинальной книге. Почему Чанмин остался один? С бабушкой мог произойти несчастный случай, но его тётя ведь должна была остаться в живых.

Юноша немного подумал и спросил:

— Бабушка Чжао, могу я задать один вопрос?

— Какой, малец?

— Если дом не продается, вы всё равно повезёте внука в столицу?

Ему нужно было знать, изменит ли она решение в случае неудачи. Возможно, если они не уедут, им удастся прожить дольше.

— Повезу! — твёрдо ответила старуха.

Дочь хозяйки добавила:

— Зимой Чанмину становится совсем худо. Мама уже всё решила: пока не повалил снег и дороги не замело, нужно ехать. Если дом не продадим сейчас, я останусь здесь и буду искать покупателя дальше.

— А если продадите? — не отступал Шэнь Юй.

Женщина взглянула на молчаливого племянника и, поджав губы, ответила:

— Тогда я продам и своё место на заводе. Поеду вместе с мамой, чтобы помогать ей приглядывать за ребёнком.

Если дом останется непроданным, их сбережений надолго не хватит. Тёте придётся работать и продолжать торги. Но если сделка состоится, она готова бросить всё. Её место на машиностроительном заводе купят с руками и ногами — за такую должность легко дадут несколько сотен юаней. Лечение может затянуться, и этих денег хватит, чтобы всем троим зацепиться в столице.

Шэнь Юй лихорадочно сопоставлял факты. Если слова женщины верны, то в оригинальном сюжете дом, скорее всего, продан не был.

Во-первых, в те времена частная покупка жилья была редкостью — государственные квартиры давали бесплатно, зачем тратить баснословные суммы? Во-вторых, те, у кого были деньги, не поехали бы на окраину. В-третьих, клеймо «проклятого дома» отпугивало девяносто девять процентов потенциальных клиентов.

Значит, дом не продан, и в столицу отправились только старуха и больной ребёнок. Пожилая женщина и слабый мальчик в огромном городе... Неудивительно, что случилась трагедия.

Хозяева замерли, с надеждой глядя на юношу. Они не боялись его расспросов — напротив, чем больше он спрашивал, тем выше был шанс на сделку.

Наконец они услышали то, чего так ждали:

— За сколько вы его продаёте?

Тётушка Ху дернула его за рукав.

«Ох, и мягкое же сердце у этого ребёнка!»

Чжао было жаль, но ведь Шэнь Юй и сам зарабатывал каждую копейку тяжким трудом. Совсем один, без родителей, ещё учится — ему самому нужно на что-то опираться.

— Бабушка, мне здесь нравится. Честно говоря, из всех вариантов этот — самый лучший, — мягко успокоил её юноша. — А все эти слухи — просто суеверия. Посмотрите на бабушку Чжао и её дочь — они ведь живы и здоровы.

«Живы-то живы, — подумала тётушка Ху, — но один сын в тюрьме, муж помер, невестка погибла, внук болеет... Разве это жизнь?»

У дочери старухи Чжао тоже не сладко — развод, позор... Но вслух бабушка Сяо Дуна ничего не сказала, побоявшись беречь чужие раны.

Семья Чжао не решилась спорить о «проклятии», но в их взглядах читалась безмерная благодарность.

Старуха Чжао, переглянувшись с дочерью, произнесла:

— Дому всего четыре года. Материалы мы брали самые лучшие. Про работу я молчу, но на один только кирпич, балки и черепицу мы потратили больше двух тысяч.

Они действительно строили на века, вкладывая всё, что было под рукой.

«Две тысячи!»

Тётушка Ху ахнула. Чжао и впрямь не поскупились. В те времена обладатель десяти тысяч считался баснословным богачом. Опытный рабочий получал в месяц пятьдесят юаней. Потратить на один только материал две тысячи — это всё равно что отдать зарплату за четыре-пять лет, не тратя ни копейки на еду. С учётом работы и отделки дом обошёлся им почти в три тысячи. Третью состояния ваньюаньху!

За такие деньги можно было устроить всю семью на тёплые местечки, получить казенные квартиры в центре и горя не знать...

— Сяо Юй... — тётушка Ху попыталась вмешаться. Было ясно, что дом не отдадут за бесценок.

К тому же юноше одному не нужен был такой огромный двор. Куда разумнее было бы взять те три комнаты за двести восемьдесят юаней.

Шэнь Юй ободряюще улыбнулся ей и спросил:

— Так какую цену вы просите?

Старуха Чжао замаялась, а потом едва слышно прошептала:

— Полторы... полторы тысячи?

Заметив, что юноша молчит, она торопливо добавила:

— Он совсем новый! Камень, фундамент глубокий, мы в нём и пожить-то толком не успели...

Тут старушка осеклась. Да уж, не пожилы — хозяйева уходили один за другим, теперь их осталось трое на весь огромный дом.

Её плечи поникли, и она жалобно взмолилась:

— Ну, может, тысячу двести? Или тысячу... Меньше правда нельзя, совсем без копейки останемся...

Шэнь Юй вздохнул. Все вокруг твердили о проклятии, и хозяйева сами боялись называть реальную цену. Но он не мог позволить себе наживаться на их горе. Перед ним стояли отчаявшаяся женщина и больной ребёнок.

«Чжао Чанмин...»

Юноша посмотрел на мальчика, прижавшегося к бабушке. Он не знал, станет ли этот ребёнок в будущем пешкой в руках Юнь Байи, но обдирать этих людей до нитки он не собирался.

— Пусть будет ваша первая цена, — твёрдо произнёс юноша. — Полторы тысячи. Я покупаю этот дом.

Старуха Чжао и её дочь в изумлении распахнули глаза:

— Правда?

— Правда, — улыбнулся Шэнь Юй и полушутя добавил: — Слышал, ваш сын ещё в тюрьме. Когда он выйдет, не станет ли он искать меня и требовать дом обратно?

В оригинале отец Чанмина после освобождения едва не убил Сяо Цзяхуэя. Многие тогда проклинали его за неблагодарность: мол, Юнь Байя приютила его сына, дала ему мастерскую, а он... Шэнь Юй уже не слишком доверял написанному в книге, но связываться с опасным преступником ему не хотелось.

Старуха Чжао замахала руками:

— Что ты, что ты! Перед отъездом мы навестим А-Вэня. Я всё ему объясню. Ты — спаситель нашей семьи, он никогда не пойдёт против своего благодетеля! Он не такой человек!

Тётушка Ху подтвердила:

— А-Вэнь — хороший парень, я его с пелёнок знаю. Не бойся, если что — я сама ему всё растолкую.

Теперь Шэнь Юй был спокоен. Они обсудили детали. Чжао нужно было время, чтобы собраться, а дочери — продать должность. Но и тянуть было нельзя: первый же сильный снегопад мог спровоцировать у мальчика приступ, и тогда о поездке пришлось бы забыть.

Решили оформить всё сегодня, пока есть возможность. Чжао попросили разрешения пожить в доме ещё неделю после сделки, и юноша охотно согласился. Это время было нужно и ему самому, чтобы заработать на обстановку.

Дом был почти пуст, только в комнате Чанмина стояла большая новая кровать, которую готовили для свадьбы сына. Старуха не хотела её продавать, надеясь сохранить хоть что-то для внука. Если бы покупатель сбивал цену, ей пришлось бы отдать и кровать, но Шэнь Юй заплатил сполна. В знак благодарности она решила оставить мебель ему — всё равно за старую кровать пятисот юаней не выручишь.

Пока не стемнело, Шэнь Юй и старуха Чжао отправились оформлять бумаги. Дочь осталась дома с мальчиком, а тётушка Ху пошла с ними как свидетель и поручитель.

Юноша забежал домой за деньгами. До этого у него была одна тысяча восемьсот тринадцать юаней. Пятьдесят он отправил Шэнь Аньминю, ещё несколько десятков ушло на ткани, вату и продукты. Но Сяо Дун сегодня принёс больше двухсот юаней выручки, так что в заветном ящичке лежало чуть больше тысячи девятисот.

Шэнь Юй с грустью погладил свою книжную коробку, ставшую теперь сейфом. После появления Шао Линъюня он боялся брать её в школу, чтобы не пробуждать в том ненужных воспоминаний о Сестрице Сяо Мао.

После покупки дома у него останется всего четыре сотни. Сумма немаленькая, но ведь здание нужно обставить. Кухонную утварь и мебель Чжао почти всю забрали или продали, да и не хотелось ему пользоваться чужими вещами. Плюс впереди зима: уголь, дрова, тёплые одеяла... Всё это стоило денег. А ещё он мечтал о собственном трёхколёсном велосипеде для дел.

«Четыреста юаней разлетятся в миг»

Радовало лишь то, что дело с резинками продолжало приносить доход. Шэнь Юй подивился неповоротливости государственных швейных фабрик. В его мире дельцы бы вцепились в такую новинку на следующий же день. Но здесь огромные заводы презирали частников и не видели в «дамских безделушках» серьёзного бизнеса. Юноша был только рад такому высокомерию — пока крупные игроки спали, он мог спокойно снимать сливки. Даже если местный рынок насытится, всегда можно было отправить товар в соседние города.

Главной проблемой оставалось производство. Вдвоём с Сяо Дуном на одной машинке они много не нашьют.

«Может, нанять людей?»

Он тут же её отбросил. Одной машинки мало, а купить новую или арендовать цех не на что.

К тому же у него просто не было времени на управление фабрикой. Куда проще было бы найти подрядчика на юге, где частные мастерские росли как грибы после дождя, и возить товар оттуда.

Отсчитав тысячу семьсот юаней (с запасом на оформление), Шэнь Юй отдал пятьсот в качестве залога, и они отправились в Бюро управления жилищным фондом. Документы оформили как «дарственную». Чиновники прекрасно понимали, что за этим стоит скрытая сделка, но поскольку закон прямо этого не запрещал, препятствий чинить не стали. Их больше удивлял возраст покупателя.

Госпошлину Шэнь Юй взял на себя, вызвав новую волну благодарностей от старухи Чжао. После бюро он отвёл её в банк и помог положить всю сумму на сберегательную книжку. Везти такую охапку денег в столицу было опасно — если украдут, это станет концом для всей семьи.

Перед тем как разойтись, юноша обратился к старухе:

— Бабушка Чжао, позвольте дать вам совет. Не велите дочери продавать место на заводе. Продать легко, а вернуться обратно будет почти невозможно. Денег от продажи дома хватит на первое время. Съездите в столицу, послушайте, что скажут врачи. Что бы ни случилось, если работа останется, у вас всегда будет путь назад.

Шэнь Юй знал: через много лет швейные и мебельные фабрики начнут закрываться, но машиностроительный завод выстоит до самого конца книжного сюжета. Даже если наступят тяжёлые времена, статус старого работника обеспечит дочери старухи достойную пенсию.

Старуха Чжао заколебалась, и юноша продолжил:

— Дочери лучше поехать с вами, вам одной в столице с больным ребёнком не справиться. Пусть возьмёт отпуск за свой счёт или найдёт кого-то на подмену — на заводе должны войти в положение.

— Я понимаю, ты добрая душа, — старуха тронула его за плечо. — Ты добрый малый, и я рада, что продаю дом именно тебе — он того стоит. Вернись — поговорю с дочкой. Ты прав, лучше найти замену на время.

Дайбань — обычная практика: другой человек работает за тебя и получает твою зарплату. Желающих на такое место всегда было предостаточно.

— Вот и славно, — поддержала тётушка Ху. — Поезжай, подлечи малого, а работу дочери портить не след. Столица — город дорогой, обдерут как липку, а возвращаться всё равно придётся.

Получив огромную сумму, старуха Чжао обрела былую уверенность. Полторы тысячи юаней были надёжным щитом, и теперь нужды в поспешной продаже должности и правда не было.

— Не станем продавать, — с редкой улыбкой произнесла она. — Послезавтра и тронемся. Ключи я оставлю тётушке Ху, как соберёмся. Теперь дом — твой, Шэнь Юй.